

УДК 303.446.4: 94(976)

И.И. Вавренюк¹, А.С. Касяновская²

¹менеджер ООО «Инвест Софир» (г. Брест)

²канд. ист. наук, доц. каф. социологии и специальных социологических дисциплин

Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

mail: 1irisha7474@mail.ru

ЕВРЕЙСКИЕ НЕКРОФАЦИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.) КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ МЕСТ ПАМЯТИ

Исследована погребальная обрядность евреев. Проанализирована политика польских властей по отношению к евреям и их культурному наследию. Еврейские некрофации Западной Беларуси (1921–1939 гг.) необходимо рассматривать не только как исторический источник, но и как памятники культуры. Многие из ранее зафиксированных памятников еврейской эпиграфики Беларуси уже утрачены, другие продолжают ветшать и разрушаться, отдельные уничтожаются людьми. Таким образом, фиксация и публикация материалов о еврейских некрофациях является актуальной задачей.

Введение

Некрофации – богатейший источник для изучения малых архитектурных форм (надгробий), эпиграфики, погребальной обрядности. Материалы еврейских кладбищ в исследованиях Республики Беларусь привлекаются крайне редко, а еврейские надгробия являются одним из наименее изученных материальных источников по истории культурного развития евреев Беларуси. Планомерная исследовательская работа еврейских некрофаций в Республике Беларусь ранее не проводилась. Отдельные работы по фиксации художественных образов и эпитафий мацев предпринимались в конце XIX – начале XX в. В 1982–1989 гг. группа исследователей во главе с И. Дворкиным, Д. Дашевским, В. Дымшицем, М. Хейфецом осуществила ряд экспедиций по территории Беларуси с целью изучения еврейского наследия, но обнаруженные памятники не были научно задокументированы [1, с. 78–79]. Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сефер» (Москва), Еврейский исторический институт (Варшава) провели ряд полевых школ и экспедиций на территории современной Беларуси, в ходе которых была частично осуществлена фиксация материального наследия еврейских общин. В 2014 г. в ходе краеведческой практики студентов 1 курса Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина под руководством И.И. Вавренюк были изучены мацевы бывшего брестского еврейского кладбища [2, с. 6].

История еврейских некрофаций и политика польских властей

Первые еврейские кладбища в западнобелорусском регионе были заложены с появлением еврейских общин в Беларуси, т.е. примерно в XIII–XIV вв. Демография евреев определила появление еврейских кладбищ практически во всех городах и местечках региона. Еврейские кладбища были собственностью еврейской общины. Кладбище, как правило, располагалось за городской чертой, было отделено преградой (водоемом, земляным валом, забором). Топонимика размещения некрополей предписывалась еврейской традицией, а также экономическим фактором. Так, например, в Антополе Кобринского повета в 1933 г. было три еврейских кладбища. Два из них были старыми, ранее основанными за пределами населенного пункта, но к XX в. они оказались в центре Антополя. Действующее еврейское кладбище находилось за пределами Антополя [3, л. 6]. Количество кладбищ в населенном пункте зависело от длительности проживания евреев,

их демографического развития. Некоторые города и местечки региона имели несколько еврейских кладбищ: по три в г. Каменец-Литовский и м. Антополь Кобринского повета, два – в г. Пинске и др. [4, с. 33]. За состоянием еврейского кладбища следила еврейская религиозная гмина. В бюджет постоянно закладывались расходы на зарплату служащих кладбища, поддержание порядка, установку забора и т.п. Так, например, в 1932 г. из бюджета брестской еврейской религиозной гмины на кладбище было затрачено 3 250 злотых [5, л. 48].

Польское правительство не всегда соблюдало декларируемые права и свободы по отношению к евреям и их культурному наследию. Так, в Пинске в 1933 г. глава города «хотел заложить на месте старинного еврейского кладбища городской парк, т.к. кладбище было неухоженным, захоронения на нем давно не проводились; кладбищу было более 100 лет. Последнее захоронение (37 евреев, расстрелянных поляками) было сделано в 1919 г.» [6, л. 8]. Польские власти не учитывали того, что пинская еврейская община была хасидской, а хасиды на кладбищах традиционно не корчевали деревья и кустов, даже не выкашивали траву. В 1925 г. были разработаны «Правила организации опеки за захоронениями», но на еврейские кладбища они не распространялись [7, л. 10–18].

Еврейские погребальные общества

Обряд погребения с соблюдением традиций проводился обществами «Хевра Кадиша» («Святое братство») и «Хесед Шель Эмес» («Последняя услуга») – специальными еврейскими благотворительными товариществами двух форм «гмилут хасидим» (традиционной благотворительности) – «галвайт гамет» (погребение мертвых и присутствие на их похоронах) и «никур холим» (утешение скорбящих по усопшим) [8, л. 82].

«Хевра Кадиша» работала практически во всех городах и местечках региона, где были еврейские религиозные гмины. Документы, регулирующие деятельность «Святого братства» в Бресте были разработаны раввинами А.-Л. Каценеленбогеном в 1795 г. и Х. Соловейчиком в 1909 г. [9, л. 1]. Официальным началом работы общества считается 1800 г. [10, л. 28]. Согласно уставу, целью деятельности товарищества являлось «отдание последней услуги умершим евреям, которое должно проходить согласно всем ритуалам и местным обычаям без различия пола и возраста, и без разницы, принадлежал ли умерший к жителям города» [9, л. 1]. Структурными составляющими организации были коллегии старших, общее собрание членов товарищества, ревизионно-контролирующая комиссия, мировой суд и правление. Начальный надзор за деятельностью товарищества относился к компетенции раввина во главе с раввином еврейской религиозной гмины. Членом «Святого братства» мог стать любой иудей старше 30 лет, который вел праведную жизнь и обратился с заявлением о приеме в члены «Хевра Кадиша» [9, л. 2–6]. К непосредственным функциям членов общества относились ритуальное омовение, переодевание, препровождение умершего на кладбище [9, л. 6]. Работая как благотворительное, общество за свой счет проводило похороны бедных иудеев, покупало ткань, шило саваны, оплачивало перевозку тела на кладбище. В ежегодных отчетах «Хевра Кадиша» в Бресте отмечалось, что в 1931–1936 гг. общество провело около 80 % всех похорон иудеев. В 1937 гг. членами «Хевра Кадиша» в Бресте были 150 человек [10, л. 20–28].

Схожим по функциям работы являлось товарищество «Хесед Шель Эмес». По уставу целью данного товарищества являлись «ритуальные услуги согласно традиции не состоятельных евреев (умерших дома, в больницах, домах старцев, лазаретах, филантропических учреждениях и т.п. учреждениях от болезней, а также жертв несчастных

случаев), с исполнением всех санитарных, полицейских, административных формальностей, а также требований еврейской религиозной гмины; за счет товарищества». Членом товарищества мог стать любой иудей или еврейское учреждение, если они ведут порядочный образ жизни, заплатили взнос и написали заявление о вступлении. Обязательным условием являлось голосование большинством голосов за кандидатуру желающего стать членом общества. Члены общества в Пинске делились на обычных, почетных и пожизненных. Права всех членов товарищества были равны. Разными были обязанности и оплата: обычные члены платили ежемесячно по 50 грошей, пожизненные – разово 25 злотых, почетные освобождались от платы [11, л. 3–4]. В «Хесед Шель Эмес» в Бресте все члены были равными и платили по 20–50 грошей в месяц в зависимости от материальных возможностей [12, л. 2]. Количество членов было непостоянным. Так, в городе Пинске Полесского воеводства в составе «Хесед Шель Эмес» было 80, в 1933 г. – 77 человек; в Бресте в 1934 г. – 241, в 1937 г. – 160 человек [12, л. 16–59]. Структурными составляющими товарищества являлись правление, общее собрание членов, ревизионная комиссия [11, л. 4]. С 1934 г. в Брестском обществе «Хесед Шель Эмес» финансовые проблемы стали постоянными, а в 1937 г. финансовая ситуация стала плачевной, т.к. еврейская религиозная гмина выделила обществу только 200 злотых. В 1937 г. «Последняя услуга» провела в городе 85 похорон [13, л. 2].

Погребальная обрядность евреев

Сам обряд похорон иудеев в 1921–1939 гг. был традиционным и проходил в несколько этапов. В случае смерти иудея его родственники (лица, их заменяющие) должны были незамедлительно сообщить в синагогу и погребальному обществу о смерти. Погребальное общество занималось подготовкой тела к захоронению и самими похоронами. Членам семьи рекомендовалось как можно меньше контактировать с мертвым телом, так как оно считалось сосредоточением всего нечистого. Братство в специальном помещении при кладбище проводило обмывание тела «тпаара». После этого на тело надевали простую белую похоронную одежду «тахрихим» [14, с. 104–105]. Мужское тело также оборачивали в «талес» (молитвенное покрывало), причем предпочтение отдавалось личному покрывалу мужчины. Согласно религиозной традиции, умершего еврей хоронили в день смерти до наступления темноты (в течение 24 часов с момента смерти), кроме субботы и праздников. Время могло растягиваться до трех суток [15, с. 134]. Как правило, на еврейском кладбище было специальное здание для подготовки тела умершего к захоронению. Такие здания были в Лунинце, Лахве, Кожан-Городке, два в Ленине [16, л. 64], Городце [17, л. 12].

Традиции хоронить евреев в гробах, как и у ашкеназов, в регионе не было. Но под давлением польских санитарных властей евреи Западной Беларуси стали хоронить умерших в гробах, но не везде. Так, например, только в 1934 г. еврейская религиозная гмина в местечке Высоцк Столинского повета за продажу гробов и погребение получила 500 злотых дохода [18, л. 19], в г. Кобрин за продажу гробов – 2 673 злотых [19, л. 5]. Члены братства переносили или перевозили тело на кладбище на специальных носилках, повозке (дилижансе). Например, в Бресте в «Хевра Кадиша» для перевозки тела умершего еврея существовала должность специального извозчика, который за каждые похороны получал в 1935 г. по 1,5 злотых. В 1930-е гг. этим извозчиком в Бресте работал Н. Вайнштейн [10, л. 22].

Еврейские похороны нашли отражение в воспоминаниях местных жителей: «Евреи на похоронах очень много плакали, а когда у покойников не было семьи, нанимали

плакальшчыцу. Когда всходил месяц, покойника накрывали черным сукном и, высоко подняв на носилках, несли на кладбище. Обычно провожали покойника только самые близкие родственники. Тело лежало в специальном черном ящике – “кубельне”, который хранился в сторожке на кладбище» [20, с. 7–8]. Зачастую в воспоминаниях отражены искаженные стереотипы: «Помню, как хоронили. У них у дому... я помню... у них окошка, ляжаў на простыне белай, потом нейкай соломки там положили, там дальше не знаю. И несли... У их хоронили полулежа там на кладбище... вот так вот подсовывали туда, полулежа хоронили» [21, с. 73]. Отражено в воспоминаниях и традиционное еврейское погребение без гроба: «Несли зашитага такога у белым таком, не касцюм, ничего, а он такой как у простыне... Евреев в гробу не хоронят, а в мешке» [21, с. 73–74].

Смерть раввинов, религиозных авторитетов рассматривалась в другом ракурсе – как трагедия. Так, по воспоминаниям жителей местечка Мир, «когда, в 18-й день месяца Сиван 5 696 умер машгиах (духовный лидер общины), его смерть часть студентов иешивы восприняла как смерть отца» [22, с. 189]. В целом обряд проводов покойника имел отличия по направлениям иудаизма: мусары во время прощания с покойником так стенали, плакали и убивались, что со стороны походили на умалишенных; хасиды могли традиционно приплясывать.

После погребения завершалась основная часть «онена» (одной из трех частей еврейского траура, припадающая на день смерти и погребения умершего). Остальные две части еврейского траура («шива» и «шлошим»), длящиеся неделю и год соответственно, являлись логическим продолжением «онена» и завершались обрядом «хакамат мацева» (установлением надгробного камня) и поминальным праздником йорцайт. Большинство еврейских семей соблюдали семидневный период траура – «шива» («семь»), некоторые – 30 дней. В течение всего периода, когда длится «шива», в дом ходили родственники и друзья с визитом соболезнования, помогали скорбящим пережить утрату близкого. В течение года после похорон евреями традиционно принято было посещать кладбище в месяц элул (двенадцатый месяц еврейского календаря, приходится на вторую половину августа – первую половину сентября). Посещение кладбища – «кевер увес» («на могилы предков/отцов») проходило в основном в понедельник и четверг. Традиции ходить на могилы предков в праздники, в субботу и ночью не было [23, с. 138]. В момент посещения могил родственников и почитаемых людей произносили текст, обращенный к усопшему, начинающийся формулой «Loyf in beyt» («Беги и проси»). При посещении могил цадиков и других почитаемых духовных лидеров зачастую писали записки-просьбы, также на могилы предков приносили камешки. В годовщину смерти («йорцайт») члены семьи зажигали специальные поминальные свечи и произносили особые молитвы памяти – «изкор». Проявляя уважение к усопшему, ближайший из родственников зажигал свечу иорцайт каждый год на годовщину смерти. Усопших также поминали во время «йицкор» (поминальных служб в синагоге) [24, с. 47–48]. Документ о смерти платно оформляли в еврейской религиозной гмине, к которой относился усопший [25, л. 10].

Через год (иногда через месяц) после похорон устанавливали надгробия. Родственникам усопшего (лицам, их заменяющим) необходимо было платить как за изготовление самого памятника, так и за традиционные разрешение на установку памятника на могиле и место на еврейском кладбище еврейской религиозной гмине, к которой относился усопший. Стоимость за место на еврейском кладбище зависела от категории места (I–IV), если такие выделялись. Так, например, в местечке Антополь в 1934 г. за место на еврейском кладбище в зависимости от категории места (I–IV) платили 15–150 зло-

тых, за ўстаноўку памятнікаў в залежнасці ад катэгорыі – 5–20 злотых [26, л. 22], в гминах местечек Высоцк, Городно, Теребрежев, Березов Столинского повета в 1933 г. – 30 и 5 злотых соответственно (без выделения категорий) [18, л. 41]. Доход еврейской религиозной гмины в м. Антополь за 1934 г. только за места на кладбище был 500 злотых, за разрешение ставить памятники – 100 злотых [27, л. 40]. В местечке Серники Полесского воеводства еврейской религиозной гминой был разработан «Статут сбора платы за места на кладбищах и за надгробные памятники в пользу еврейской религиозной гмины», согласно которому за место на кладбище в Серниках плата взималась в размере 10–500 злотых, за установку памятника – 10–1 000 злотых [28, л. 4]. Памятник традиционно рассматривался евреями как атрибут места захоронения. Ожидание прихода Мессии преобразовывало погребение в хранилище, таинственное место ожидания второго пришествия. Поэтому недопустимой считалась кремация, а погребение за территориальными границами кладбища обрекало душу на долгие муки [29, с. 141].

Еврейские памятники как источники некрополистики

Надгробия еврейских кладбищ представлены двумя основными типами: мацевы (стелы) и охели (или огели саркофаги). Стела представляет собой вертикально стоящую каменную плиту с надписью, рельефным или живописным изображением. Огель – небольшая гробница из дерева или камня, украшенная росписью либо скульптурой, по форме напоминает шатер, зачастую устанавливался над могилой духовного учителя, лидера общины (цадика). Стелы (мацевы) – основной тип еврейского надгробия, формирующей основой которого являются скрижали Завета, формы арки, портала. Мацевы западнобелорусского региона имеют следующие размеры: ширина – 0,8–1,2 м, высота – 1–1,8 м, толщина – 0,15–0,2 м. Обратная сторона памятника чаще всего не обработана. Материалом для изготовления мацев служили песчаник, гранит, дерево, цементный раствор, редко мрамор. Выбор песчаника либо специального раствора, который заливали в форму, был обусловлен наличием его в данной местности, а также пауперизацией евреев региона, что не позволяло евреям заказывать более дорогие памятники из привозного материала. На лицевой стороне мацев наносились эпитафия и рельефное изображение. На основе анализа эпитафий мацев западно белорусского региона можно выделить их следующие традиционные составляющие: вступительная формула «по нитман» («здесь покоится»), имя усопшего и имя его (ее) отца, эвлогий (благославление), дата смерти по еврейскому календарю, завершающий эвлогий «Да будет душа его завязана в узле жизни» (зачастую в виде аббревиатуры – как символ еврейской эпитафии). Эпитафия, как правило, состояла из имени, имени отца, одного–двух эпитетов, буквенной даты смерти с указанием дня, месяца и года по еврейскому календарю. Практически все формулы и образы заимствованы из талмудических трактатов еврейских текстов и молитв. На эпитафии был указан тип летоисчисления лифрат катан («по малому счету») – традиционный еврейский способ обозначения даты от сотворения мира, при котором не указывают тысячелетие. Текст на мацевах исполнен в классических монументальных приемах – барельеф и контррельеф.

Как правило, эпитафии составляли единое стилевое целое с изображением, нанесенным на мацевах. Согласно религиозным предписаниям и обычаям, на надгробиях можно было помещать освященные традицией изображения, мотивы которых черпались из животного (львы, олени, медведи, птицы и т.д.) и растительного мира (деревья, фрукты, корзины с плодами, виноградные гроздья, лоза и т.п.). В иконографии мацев Западной Беларуси обобщенно можно выделить три художественных пласта: расти-

тельный, зооморфный и геометрически архитектурный. В широко распространенных стелах с пластическими изображениями, относящимися к отвлеченно-декоративно-символической группе, орнамент играл главную роль в системе композиции, являлся основным и единственным изобразительным мотивом. Наиболее распространенным для мацев является изображение вокруг букв «על» благословляющих ладоней когена, окружности, семисвечника, растительного орнамента, что пространственно выделяло начало эпитафии. Особенностью региона является редкое использование Маген-Давида для изображения вокруг букв «על». Необходимо выделить мацевы, которые характеризовали социальный статус умершего, получаемый по рождению, – левитов и когенов (когены, или коэны, – иудейские священнослужители, жрецы; левиты – потомки Левия, родоначальника одного из двенадцати колен Израилевых) [30]. У когенов на мацевах традиционным является изображение двух рук, сложенных определенным образом, левитов – руки с кувшином с водой для ритуального омовения рук. Нужно отметить, что руки когенов и рука с кувшином левитов являются единственными антропоморфными изображениями на мацевах. Особое место занимают надгробия с изображением меноры – светильника – символа иудаизма. Причем встречаются светильники с тремя, четырьмя, пятью свечами. Вне культовой составляющей рельефы выражали общечеловеческие представления о жизни и смерти и дают представление о характерных чертах усопшего. Библейский запрет на изображение человеческого облика вынуждал мастеров прибегать к своеобразному эзопову языку: изображался тот зверь, нрав которого каким-то образом соответствовал репутации и характеру усопшего. Иногда выбор диктовался аналогией имен и названий. Часто в пластике стел фигурировали предметы реального мира: у ученых – шкаф с Пятикнижием [31, с. 12–13]. Большую декоративную роль в рельефах мацев играли растительные формы. Как правило, растительные мотивы были выразителями идеи смерти: сломанное дерево, дерево с обрубленными ветвями, сломанный цветок, сломанная ветка, сорванные листики. В целом все сломанное, сорванное, разбитое являлось символом смерти, например, сломанные свечи. Растительные мотивы также могли нести чисто декоративный характер.

Форма почти всех представленных элементов композиционной структуры мацев решена в обобщенно-символическом ключе, проста и лапидарна. Животный мир, птицы, предметы зачастую передаются схематично, преобладают принципы условной оптимизации. В целом орнамент мацев известный, стереотипный. Но на сохранившихся фото можно увидеть, что были в регионе примеры и богатых символикой и декором мацев (Брест, Мир, Пинск и др.) [32, с. 43].

Наиболее древние из еврейских кладбищ западнобелорусского региона не сохранились. На первоначальных местах существуют остатки около 40 еврейских кладбищ региона. Самые древние мацевы западнобелорусского региона – надгробия XVIII в., которые сохранились на еврейских кладбищах в г. Высокое (Каменецкий р-н), п. Ружаны, г.п. Шерешево (Пружанский р-н).

Заключение

Еврейские некрофации Западной Беларуси (1921–1939 гг.) – важный исторический источник и памятники культуры. Надгробия еврейских кладбищ 20–30 гг. XX в. представляют сегодня особую художественную ценность, отражающую уникальность еврейской культуры. Кладбище представляло собой ритуализированную пространственную категорию, связанную с разграничением анклава живых и мертвых – мест жиз-

недеятельности еврейской общины и некрополей. Степень изученности еврейских некрофаций региона невелика и требует более пристального научного изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муратов, И. Еврейская надгробная эпитафия Беларуси. Еврейское кладбище в Друе / И. Муратов // Тирош – труды по иудаике : сб. тр. / Центр «Сефер» ; под ред. М. Членова. – М. : Сефер, 2009. – Вып. 9. – С. 78–103.
2. Митюков, А. С надгробий надо снять ноги / А. Митюков // СБ – Беларусь Сегодня. – 2014. – № 238 (24619).
3. Бюджет Антопольской еврейской религиозной гмины Кобринского повета за 1933 год и списки должников // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2302.
4. Вавренюк, И. И. Евреи в жизни Пинска (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // Моўнакультурная прастора Брэсцка-Пінскага Палесся : зб. навук. арт. / рэдкал.: М. М. Аляхновіч [і інш.]. – Брэст : Альтэрнатыва, 2013. – С. 32–35.
5. Отчеты, бюджет Брестской еврейской религиозной гмины и переписка с ней по вопросам финансово-хозяйственного характера (17 сентября 1928 г. – 6 июня 1933 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2309.
6. Переписка с поветовыми старостами и заявления граждан о надзоре над еврейскими кладбищами, о погребении на православных кладбищах и др. (14 авг. 1928 г. – 30 июня 1936 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2340.
7. Циркуляры и руководящие указания полесского воеводского управления и переписка с гминными правлениями об учете и охране могил погибших воинов в Первую мировую войну и др. (1926 г.) // ГАБр. – Ф. 2003. Оп. 2. Д. 453.
8. Функ, Ю. В. Евреи Беларуси в конце XIX – начале XX в. / Ю. В. Функ. – Минск : БелНИИДАД, 1998. – 105 с.
9. Устав еврейского благотворительного товарищества «Хевра Кадиша» в Бресте // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 40.
10. Устав, протоколы собраний и отчеты о деятельности Брестского общества «Хевра Кадиша» (6 марта 1931 г. – 13 янв. 1936 г.) // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 886.
11. Устав, годовые отчеты, протоколы собраний благотворительного общества «Последний долг» (13 февр. 1930 г. – 12 июля 1938 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 4. Д. 3993.
12. Протоколы собраний и отчеты о деятельности брестского еврейского товарищества «Хесед Шель Эмес» в Бресте (3 нояб. 1933 г. – 17 янв. 1938 г.) // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 584.
13. Переписка со старостами по вопросу бюджетно-хозяйственной отчетности еврейских религиозных гмин (21 янв. 1937 г. – 16 дек. 1937 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2740.
14. Golberg-Mulkiewicz, O. Obrzędy żałobne i pogrzebowe Żydów polskich / O. Golberg-Mulkiewicz // Polska Sztuka Ludowa. – 1986. – № 1–2. – S. 104–105.
15. Алексеевский, М. Представление о еврейских похоронно-поминальных традициях в рассказах жителей Латгалии / М. Алексеевский // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии : материалы экспедиций 2011–2012 гг. / под ред. С. Амосова. – М. : Сефер, 2013. – С. 133–135.
16. Дело о территориальных изменениях еврейских религиозных гмин (13 июня 1930 г. – 16 февр. 1935 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2369.

17. Бюджет и список членов Антопольской еврейской гмины, внесших пожертвования на 1934 год (23 апр. – 15 окт. 1934 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2410.
18. Уставы о взимании платы за молитвенные дома, от убоя скота и др. Бюджет и списки членов еврейской религиозной гмины в Высоцке Столинского повета // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2413.
19. Отчет об исполнении бюджета еврейской религиозной гмины за 1937 год, г. Кобрин // ГАБр. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 28.
20. Быховцев, Н. Евреи в межвоенный период / Н. Быховцев // Ваўкавышчына : краязн. часопіс. – 2009. – № 4 (14). – С. 7–8.
21. Белова, О. Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Гродненщины) / О. Белова // Желудок: память о еврейском местечке / под ред. И. Копченовой. – М. : Сефер, 2013. – 328 с.
22. Раманава, І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары / І. Раманава, І. Махоўская. – Вільня : ЕГУ, 2009. – 248 с.
23. Дымшиц, В. Еврейское кладбище: место, куда не ходят / В. Дымшиц // Штетл, XXI век : полевые исследования / сост.: В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2008. – С. 135–142.
24. Корн, И. Иудаизм в искусстве / И. Корн. – Минск : Белфакс. – 128 с.
25. Бюджет Антопольской еврейской религиозной гмины Кобринского повета на 1936–1938 гг. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2601.
26. Бюджет и список членов Антопольской еврейской гмины, внесших пожертвования на 1934 г. (23 апр. 1934 г. – 15 окт. 1934 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2410.
27. Уставы о взимании платы за молитвенные дома, от убоя скота и др. Бюджет и списки членов еврейской религиозной гмины в Высоцке Столинского повета (1933 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2413.
28. Списки лиц, внесших финансовые пожертвования, отчеты по хозяйственным расходам еврейской гмины в Серниках (30 июня 1933 г. – 22 дек. 1933 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2291.
29. Локотко, А. И. Архитектура европейских синагог / А. И. Локотко. – Минск : Ураджай, 2002. – 156 с.
30. Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eleven.co.il/>. – Дата доступа: 29.12.2017.
31. Чечик, З. Мацевы / З. Чечик. – М. : Дом еврейской книги, 2005. – 167 с.
32. Levy, A. Judische Grabmalkunst in Osteuropa / A. Levy. – Berlin, 1924. – 84 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.01.2018

Vauraniuk I.I., Kasianouskaja H.S. Jewish Necrophations of Western Belarus (1921–1939) as Sources of Learning Places of Memory

The scientific article studies the history of the formation of Jewish necrophations in Belarus, investigated the funeral rites of Jews, analyzed the policy of the Polish authorities in relation to the Jews and their cultural heritage. Jewish necrophations of Western Belarus (1921–1939) can be considered not only as a historical source, but also as a cultural monument, which reflected the impact of the traditional Jewish culture and the cultures of other peoples of Belarus. Today, many of the fixed monuments of the Jewish epigraphy of Belarus have already been lost, others – continue to deteriorate and weaken, others are being destroyed by people. The cemetery was a ritualized spatial category associated with the demarcation of the enclave of the living and the dead – the places of life of the Jewish community and necropolises.